

ЛЮСЯ ЛЮТИКОВА

*Следствие
ведет*

А КОМУ СЕЙЧАС ЛЕГКО?

Люся Лютикова
А кому сейчас легко?
Серия «Следствие
ведет Люся Лютикова»

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=278732

АСТ;

Аннотация

Думаете, кризис – это то, что бывает с другими?

Журналистка Люся Лютикова и в страшном сне не могла представить, как на ней отразится мировой финансовый кризис. С работы выгнали, квартиру отобрали, да еще и чужой банковский кредит обязали выплачивать!

Но бодрая толстушка стремительно устраивается работать официанткой в ресторан. И здесь ее ждет новый удар судьбы. Люся едет обслуживать корпоратив – куда бы вы думали? Да-да, в издательство «Работа», откуда ее только что несправедливо уволили. И надо же такому случиться, что директрису издательства убивают прямо между молочным поросенком и выступлением Николая Баскова!

Подозрения падают на Люсю, небо ей уже видится в клеточку. Поскольку полиция не торопится искать настоящего убийцу, Лютикова берет расследование в свои руки...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	50
Глава 7	61
Глава 8	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Люся Лютикова

А кому сейчас легко?

Глава 1

Девяносто процентов людей, если их уволить безо всяких объяснений, будут прекрасно понимать – за что. А остальные десять процентов будут этому только рады.

Мировой финансовый кризис докатился и до газеты «Работа», где я тружусь в качестве журналистки. Сейчас мало кто в Москве набирает персонал, количество объявлений о вакансиях резко сократилось, прибыль упала. Руководство нашего издательства объявило о грядущем сокращении.

В редакции только и разговоров было, кого сократят. Каждый верил, что его чаша сия минует.

– У меня маленький ребенок, – говорила секретарша Любочка Афанасьева, – меня увольнять нельзя.

– А я мать-одиночка, – твердила курьер Галина Петренко, – меня тем более нельзя!

– А я вообще мать-героиня! – напоминала редактор Елена Смирнова, у которой подрастало трое сыновей.

Мужчины не отставали от дам: дизайнер Андрей Владленович вспомнил, что когда-то защитил кандидатскую диссертацию, а верстальщик Олег Сапцов утверждал, будто у

него максимальная производительность труда.

Я отмалчивалась. Детей у меня нет, научной степени – тоже, и производительность труда самая обычная, ничего выдающегося. Если шеф дает задание – пишу статью, не дает – не пишу. Ох, чует мое сердце, я – первый кандидат на вылет!

Так оно и получилось. Через три дня главный редактор Ирина Львовна Антонова-Овсенко вызвала меня к себе в кабинет.

– Люся, вот тебе образец, пиши заявление «по собственному», – прямо сказала она. – С завтрашнего числа ты свободна.

Я, хотя и была готова к такому повороту событий, не могла вымолвить ни слова.

– Сама знаешь, какая сейчас ситуация на фирме, – продолжала Ирина Львовна. – Прибыль падает, Елена Михайловна в панике, велела увольнять всех подряд. В редакции останется пять человек, самые незаменимые, без которых газета выходить не сможет.

Елена Михайловна Кириллова – владелица нашего издательства – героическая женщина. Нет-нет, без шуток, действительно героическая. Программист по образованию, в начале девяностых годов она осталась без работы. Помните, во время перестройки госпредприятия повально сокращали штаты? Вот и научно-исследовательский институт, в котором трудилась двадцатишестилетняя Елена Кирилловна, расформировали. Она пришла в центр занятости, где ей со-

общили:

– Вакансий по вашей специальности нет. Хотите переучиться на бухгалтера?

– Хочу, – ответила Елена, и ее записали в очередь на курсы.

Очередь долго не подходила, поэтому Лена пыталась самостоятельно искать работу. И столкнулась с тем, что сделать это практически невозможно. Газет по трудоустройству тогда не существовало, люди не знали, откуда брать вакансии, как писать резюме и на что вообще рассчитывать. И Елена решила восполнить этот пробел. Весьма кстати ей подвернулся приятель, знакомый с азами полиграфии. Вместе с ним молодая женщина основала газету «Работа» – четырехстраничное рекламное издание. Сама бегала по отделам кадров московских заводов, просила дать вакансии (бесплатно, разумеется), сама верстала полосы, потом мчалась в типографию. Когда выбила бумагу для первого тиража (с нею тогда был жуткий дефицит), была так счастлива, будто ребенка родила. Сама на «жигулях» развозила пачки по киоскам...

Первый номер газеты с трудом, но все-таки проданся, однако вся прибыль от него ушла на издание второго номера газеты. Целый год издание вообще не приносило никакого дохода, каждая заработанная копейка шла на развитие бизнеса. Потом появился какой-то просвет. «Работу» стали узнавать, раскупать, у нее появились постоянные клиенты – крупные фирмы, в которых бесконечно идет набор персонала. Елена

Михайловна выкупила у своего партнера его часть бизнеса и стала полноправной владелицей газеты.

Она трудилась как каторжная, первая приезжала на работу и последняя уезжала. Благодаря ее упорству издательство ширилось, сначала появился журнал о досуге в Москве, потом еще два еженедельника. Только в последнее время Елена Михайловна позволила себе немного расслабиться, отойти от дел. И вот, пожалуйста, – грянул кризис! Бизнес опять под угрозой.

Понятно, что в такой ситуации любой бизнесмен стремится избавиться от лишних работников. Выражаясь научным языком, минимизировать численность персонала. Но почему бы не расстаться с людьми так, как положено по закону? Я помню, в прошлый кризис девяносто восьмого года Елена Михайловна обошлась с сотрудниками гораздо человечнее: отправила в неоплачиваемый отпуск, а через полгода приняла обратно.

– Может, меня все-таки сократят? – предложила я.

– Ты что?! – в ужасе замахала руками Ирина Львовна. – При сокращении положено выплачивать два оклада, а денег у издательства нет. Газета находится на грани разорения, каждая копейка на счету! Слушай, к тебе же здесь всегда хорошо относились, у тебя что, совести нет – требовать отступные?

Совесть у меня имелась, но она молчала, а значит, ничего криминального, с ее точки зрения я не требовала. И по-

том, я привыкла к тому, что в издательстве соблюдается Трудовой кодекс: «белая» зарплата, отпуск в двадцать восемь дней, а не неделя, как в иных фирмах, оплачиваемые больничные... Почему теперь вдруг творится беззаконие? Почему людей выдавливают?

Увидев мое сопротивление, начальница тут же сменила тактику:

– Ты сегодня опоздала на полчаса, так? А вчера ушла раньше конца рабочего дня на пятнадцать минут. Если не уволишься добровольно, уволим по статье. Оно тебе надо – пачкать трудовую книжку?

Такому доводу пришлось уступить. Борьба человека против системы в большинстве случаев обречена на поражение. Ну, допустим, не напишу я заявление по собственному желанию. Получу временную передышку, но житья мне в газете все равно не дадут. Помимо трудовой дисциплины можно будет придаться к качеству выполнения работы. Принесу я очередную статью, а шеф ее завернет: «Тема не раскрыта, мало фактического материала». Перепишу текст, а мне опять: «Не пойдет, стиль хромает». В конечном итоге за месяц я не сдам ни одной статьи и меня уволят за непрофессионализм и несоответствие занимаемой должности. Уж лучше уйти самой, нервы будут целее!

Тяжело вздохнув, я взяла ручку и стала выводить: «Прошу уволить меня по собственному желанию...» Рука не слушалась, мысли путались, в простом предложении я наляпа-

ла три ошибки, так что пришлось заявление переписывать. Пока я относила его в отдел кадров, Ирина Львовна успела провести аналогичный разговор с другими сотрудниками.

Вернувшись в редакцию, я застала курьера Галину в слезах. Дешевая тушь для глаз потекла.

– Не представляю, что делать! – Галка размазывала тушь по щекам. – Сбережений у меня нет, пока найду работу, пройдет месяц, а то и больше. На что жить с ребенком? Да и куда устраиваться? Кто сейчас набирает персонал? Никто. Я папу хотела в санаторий отправить, у него вроде наступило улучшение. Но какие уж теперь курорты...

У Гали был парализован после инсульта отец, и, по сути, у матери-одиночки на руках находилось двое иждивенцев. От жалости к ней разрывалось сердце, но помочь я – увы! – ничем ей не могла.

У Ленки Смирновой щеки стали пунцовыми, очевидно, подскочило давление. Но она бодрилась:

– Ничего, выкрутимся! Бог не выдаст, свинья не съест. Муж пока работает, проживем как-нибудь.

Я представляла себе это «как-нибудь»: трое детей и одна зарплата мужа, весьма, надо сказать, скромная, потому что трудился он водителем автобуса. Даже с Лениным заработком денег на семью хватало едва-едва. От чего же теперь им следует отказаться: от фруктов? Молочных продуктов? Детских кружков? Или они перестанут платить за квартиру и их выселят в общежитие в Капотне?

– А кого оставляют? – спросила я у коллектива.

Оказалось, что те самые пять незаменимых человек, без которых газета выходить не сможет. Это, во-первых, главный редактор Ирина Львовна; во-вторых, ее сестра Наталья, занимающая должность менеджера по vip-клиентам (безумно необходимую во время кризиса, когда и обычных-то клиентов с гулькин нос), в-третьих, редактор Полина Осянина, которая «дружит домами» с Ириной Львовной, в-четвертых, секретарша Любочка, самозабвенная подхалимка и интриганка. Вот она, кстати, со сладкой улыбочкой несет Ирине Львовне кофе. Также свое место удалось сохранить дизайнеру Андрею Владиленовичу. Причина проста: он блатной, когда-то его привел на работу близкий друг Елены Михайловны. Антонова-Овсеенко понимает: тронешь такого сотрудника – и сама получишь под зад коленом.

– Интересно, в газете остались одни начальники, а кто работать-то будет? – хмыкнула я.

Ирина Львовна вскинулась:

– Мы и будем! Я, например, могу вместо тебя статьи писать. Зря, что ли, журфак оканчивала?

– Бог в помощь, – отозвалась я.

Я не держала на начальницу зла, ведь она действовала по указке сверху. Но обида, конечно, была: отдала газете восемь лет жизни, а в одночасье оказалась выкинутой на улицу, словно попрошайка из вагона метро. Еще обиднее, что случилось это за месяц до Нового года. Но, очевидно, так сложи-

лись звезды. Пришло время что-то менять в жизни. Неужели я не найду другую работу? Да запросто! Я профессионал, у меня большой стаж и куча знакомых в издательском мире.

Я стала обзванивать друзей, но везде слышала одну и ту же песню:

– Извини, вакансий нет, нас самих сокращают.

– Вишу на волоске, премию сняли, оклад урезали. Говорят, скоро вообще закроют журнал!

– Сам со вчерашнего дня безработный...

Меня охватила легкая паника, но я задушила ее в самом зародыше. Ничего, если по знакомству не получается, устраюсь на службу с улицы. В докризисные времена это работало, да еще как! Люди и в «Газпром» устраивались, и в аппарат правительства России!

Составила резюме, разместила его в Интернете и стала ждать звонков с предложениями. Прошла неделя, началась вторая, но звонить мне, похоже, никто не спешил. Может, я указала в резюме неправильный номер телефона? Проверила – все правильно. Может, мобильник не работает? Позвонила сама себе со стационарного телефона – гудки идут. Очень странно...

А деньги между тем заканчивались. Специалисты по ведению семейного бюджета советуют: получил зарплату – и сразу половину суммы отнеси в банк, положи на депозит. И ни под каким видом эти деньги не трогай! Со следующей зарплатой поступай точно так же... В итоге за десятки лет на

вклад набегут так называемые «сложные» проценты, получится хороший доход и можно будет обеспечить себе безбедную старость. Пенсионеры в Европе именно так и поступают.

А я всегда тратила получку подчистую. Справедливости ради надо сказать, что не такая уж она у меня была большая, чтобы что-то с нее откладывать. И тем не менее теперь-то я понимаю, что надо было хоть как-то подстраховаться на черный день. Но кто же предполагал, что наступит кризис? Нефтедоллары текли в страну рекой, на улицах Москвы было не протолкнуться от новеньких «бентли», и ничто не предвещало беды.

Глава 2

Кто-то из моих знакомых, пожалуй, удивится: «А чего тебе, Люся, собственно, волноваться? У тебя же есть муж, пусть он и содержит семью!» Да, все правильно, муж у меня как бы имеется – следователь ГУВД капитан Руслан Супроткин. Я говорю «как бы», потому что формально мы с ним не женаты. Явились при полном параде в ЗАГС, а оказалось, что наша очередь прошла неделю назад. Тем не менее окружающие считают нас мужем и женой, потому что погуляли на нашей свадьбе.

«Отчего же вы не оформите отношения?» – вот еще один интересный вопрос. Не знаю. Эта тема как-то замялась, Руслан ее не поднимает, а сама я не хочу... навязываться, что ли. Так вот и живем: я – в своей квартире, Руслан – в своей, встречаемся по выходным. Гостевой брак, если выразаться научной терминологией.

Переезжать в мою роскошную трехкомнатную квартиру в центре столицы муж категорически отказался:

– Не хочу быть примаком!

Мои увещевания, что так живут миллионы семей, потому что квартирный вопрос решается не за один день, не помогли.

– Они пусть живут, как хотят. А я российский офицер, у меня есть мужская гордость!

Хорошо, у Руслана есть мужская гордость, а у меня ее нет. Я переехала в его однушку на окраине Москвы. Однако тут возникла проблема в лице свекрови, дражайшей Ариадны Васильевны.

Если говорить честно, то я считаю, что Ариадне Васильевне со мной крупно повезло. Я не голодранка, у меня есть высшее образование и профессия. Я не пью, не курю и не играю в азартные игры. Я осчастливила ее сына, когда ему на минуточку исполнилось сорок лет, до этого он ходил бо-былем. В свете всего вышеизложенного я глубоко убеждена, что свекровь как минимум должна на меня молиться, а как максимум – не лезть в нашу с Русланом совместную жизнь.

Однако Ариадна Васильевна считала иначе. Отчего-то она невзлюбила меня с первого же взгляда и решила положить остаток жизни на то, чтобы нас разлучить. Начала она с того, что переехала из Курска в Москву. Предлог нашелся быстро: слабое здоровье. Бедную пенсионерку начали вдруг мучить боли неизвестного происхождения, провинциальные врачи не в силах были с ними справиться, а потому без регулярных консультаций со столичными светилами медицины обойтись не представлялось возможным. Мапочка перебралась в однушку сына, даже не смутившись фактом, что он живет в ней не один, а с гражданской женой.

Почтительный сын предложил матери занять единственную комнату, однако Ариадна Васильевна отказалась:

– Не надо обо мне беспокоиться, сынок, я чудесно разме-

щусь на кухне. Много ли мне, старухе, надо.

«Старухой» Ариадна Васильевна была еще той: розовая кофточка со стразами, шестимесячная завивка, маникюр. Да ей еще замуж можно выходить! Тем более, что Ариадна Васильевна – вдова, ее покойного супруга, отставного полковника, хватил удар во время огородно-полевых работ на даче, прямо на грядке с огурцами.

Спала Ариадна Васильевна действительно на кухне, но все свободное время проводила в комнате перед телевизором. Поскольку я работаю дома, мне приходилось перемещаться с ноутбуком в противоположном направлении – в пищеблок. Однако и там мне не было покоя. Вот типичная сцена. Только я включала компьютер, собирала мысли в кучку и начинала писать статью, как в кухню врывалась свекровь.

– Кстати, раз ты ничего не делаешь, – говорила она, – свари-ка грибной суп. Руслан его обожает.

– Как это я ничего не делаю? – возмущалась я. – Я работаю!

– Ну, так отдохни! – парировала Ариадна Васильевна. – Между прочим, лучший отдых – это смена деятельности.

– Спасибо, что просветили, – бурчала я, пытаюсь вернуться к работе, но мысль оказывалась уже потерянной и приходилось вставать к плите.

Пенсионерка уходила с кухни, чтобы через пять минут опять вернуться. Наблюдая, как я вскрываю пакет с замороженными подосиновиками, она роняла:

– А Руслан любит суп из грибного ассорти.

Вода в кастрюле начинает закипать, и я вместе с нею:

– Других грибов нет!

– А вот у меня в Курске всегда есть запас, – хвастливо заявляла Ариадна Васильевна. – Три ящика морозилки заполнены под завязку. Держу грибы нескольких видов, зелень, ягоды, фарш, рыбу нескольких сортов...

Мне так и хотелось закричать: «Ехали бы вы в свой Курск!» – но я сдерживалась.

Видя, что я кладу в суп целую луковицу, свекровь начала меня поучать:

– Лук надо мелко порезать и поджарить на подсолнечном масле до образования золотистой корочки.

– Я не люблю жареный лук, поэтому готовлю так.

– А Руслан любит лук, – с нажимом говорила она.

– Может, вы сами приготовите суп? – предлагала я. – Так, как Руслан любит, а?

– Ой, нет, там уже «Перезвоны любви» того и гляди начнутся!

И свекровь бросалась смотреть очередной сериал.

В рекламную паузу она опять возникала на кухне, чтобы попробовать суп и заявить, что «чего-то в нем не хватает».

В общем, к чему долго рассказывать, те, кто жил в одной квартире со свекровью, меня поймут. Чтобы сохранить собственные нервные клетки и нормальные отношения с Русланом, я перебралась к себе на «Белорусскую». Можно было

бы, конечно, вступить с Ариадной Васильевной в противодействие, развязать войну на всех фронтах. Но, во-первых, я человек миролюбивый, вражда и склоки не по мне. А во-вторых, такое возможно, если ты являешься законной супругой. А какие права у «не пришей кобыле хвост»?

Так что Руслана я своими материальными проблемами не грузю, решаю их самостоятельно. Я не сомневаюсь, что найду работу. Пусть не за неделю, как до кризиса, а за месяц, два, три, но результат обязательно будет!

Когда в мобильнике наконец-то высветился незнакомый московский номер, я сразу решила, что это он, потенциальный работодатель.

Я отозвалась не сразу, считая, что пусть на том конце провода сделают вывод: Людмила Лютикова – занятой человек, у нее много предложений о работе, она не спешит хвататься за первое попавшееся. Когда я наконец нажала на «прием», в трубке раздался женский голос:

– Могу я поговорить с Людмилой Анатольевной?

– Да, пожалуйста, – ответила я с достоинством.

– Вас беспокоят из банка «ФинансИнвестРезерв». Вы выступали поручителем у Алиевой Марты Робертовны при получении кредита «на неотложные нужды»?

– Всё верно, а в чем дело?

– Банк интересуется, когда вы сможете выплатить всю сумму кредита плюс задолженность, которая набежала за полгода.

– Я ничего не понимаю, какая задолженность?

– Госпожа Алиева за полгода не сделала ни одного взноса, поэтому на сегодняшний день вы должны банку миллион четыреста двадцать восемь тысяч семьсот восемьдесят шесть рублей девятнадцать копеек.

– Минуточку, я не воспринимаю цифры на слух. Вы можете еще раз повторить сумму? Я запишу.

Девушка повторила, а я записала: «1428786 руб. 19 коп.». От увиденного у меня волосы встали дыбом. Почти полтора миллиона!

– Подождите, я опять не понимаю. Алиева не заплатила, а я-то тут при чем? Ведь это ее кредит!

– Поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, что и должник, включая уплату процентов и возмещение убытков кредитора, вызванных ненадлежащим исполнением должником своих обязательств, – отчеканила девушка.

Я пыталась переварить услышанное, но пришлось признать свое поражение:

– А по-русски можно?

Сотрудница банка тяжело вздохнула:

– Если по-русски, то вы попали. Поручитель для того и существует, чтобы взыскать деньги с него, если должник отказывается или не может платить. У вашей Алиевой временная регистрация в Москве, она не владеет имуществом, на которое можно было бы наложить арест и продать. На звонки из банка Марта Робертовна не отвечает, скрывается. А у

вас постоянная прописка в столице, солидная зарплата плюс квартира и дача. Банк имеет право потребовать, чтобы вы сразу выплатили всю сумму долга с набегавшими процентами. Неужели вам этого не объяснили, когда вы подписывали договор поручительства?

– Что-то подобное говорили, но...

Я мысленно прокляла тот день, когда согласилась выступить поручителем у Марты. Ведь интуиция подсказывала мне: не верь этой прохиндейке, она человек ненадежный! Тем более, что в процессе оформления кредита постоянно возникали разные препятствия. Например, на работе я попросила бухгалтера подготовить мне справку о доходах по форме 2-НДФЛ. Так мало того, что бухгалтер делала мне ее почти три недели, она умудрилась пролить на готовый документ кофе! А в самый ответственный момент в банке при подписании договора поручительства вдруг обнаружилось, что я забыла дома паспорт, в результате чего пришлось переносить встречу на другой день. Судьба говорила мне открытым текстом: «Люся, не ввязывайся в это дело, а иначе получишь крупные проблемы на свою Мадам Сижу!» Однако Марта держала меня за горло мертвой хваткой. Существует такая порода людей – вечные нытики и жертвы обстоятельств. Присосавшись к человеку, своим нытьем они выпивают из него всю кровь, а когда ослабевшая жертва теряет бдительность, добивают какой-нибудь просьбой.

С девушкой по имени Марта я познакомилась в поезде

Санкт-Петербург – Москва. Волею судеб мы оказались в одном купе, и всю дорогу она грузила меня своими проблемами.

– Приехала из провинции, работаю в Москве продавщицей, получаю копейки, снимаю комнату у бабки, – бубнила она, поедая мои конфеты «Мишка на Севере». – Как я устала от этой неустроенности! От бабкиных кошек вонь по всей квартире, они мне все тапки проссали, но приходится терпеть. И никаких шансов выйти замуж. Мужикам нужны невесты с приданым, а у меня в одном кармане вошь на аркане, а в другом – блоха на цепи...

В результате я прониклась к девушке искренним сочувствием. Ведь совсем недавно я и сама была точно в таком же положении. Если бы абсолютно чужой человек не подарил мне свою квартиру, то я так и моталась бы по съемным углам¹.

Мы стали дружить. Вернее, теперь-то я понимаю, что дружбой эти отношения назвать было нельзя. Марта откровенно мне завидовала, а я, в приступе какой-то безудержной вины, позволяла ей себя использовать. На Новый год я подарила ей роскошный серебряный браслет с голубыми топазами, в ответ подруга торжественно преподнесла мне копеечную плюшевую свинку. Учитывая, что наступал год Крысы, а год Свиньи подходил к концу, Марта сохранила сувенир с прошлых новогодних праздников. Но даже это меня не насторожило.

Однажды Марта поделилась со мной как бы невзначай:

– У меня есть возможность по дешевке купить комнату в Люберцах. Правда, первый этаж, соседи – алкоголики, окна выходят на помойку, но зато очень дешево получается. Как ты считаешь, соглашаться на этот вариант?

– Конечно, соглашайся, чего тут раздумывать! – обрадовалась я за подругу. – Будет хоть какое-то свое жилье, потом, даст бог, обменяешь комнату на что-нибудь более приличное.

– Проблема в том, что денег у меня нет, а стало быть, придется брать кредит. Пойдешь в поручители?

– А какова сумма?

– Миллион рублей.

– Почему так много? – изумилась я. – И это называется «дешевая комната»?

Марта мгновенно ошетинилась:

– Деньги нужны еще на ремонт, на мебель. Не спать же мне на полу! У тебя-то, между прочим, огромная кровать из массива вишни с ортопедическим матрасом, а у меня даже раскладушки собственной нет! У бабки сплю на продавленном диване, обоссанном кошками!

Я тут же устыдилась своего вопроса, как будто это моя кошка Пайса испоганила диван, на котором приходится спать бедной Марте. Хитрованка почувствовала, что я дала слабинку, и принялась давить на меня с удвоенной силой:

– Люська, да не волнуйся ты, я обязательно отдам кредит,

зарплату мне платят регулярно, ни разу не задерживали. В крайнем случае продам комнату. Умоляю, помоги, больше не к кому обратиться! Все мои знакомые – пьянь да рвань, на одной работе долго не задерживаются, ты одна – девушка приличная, настоящая москвичка в седьмом поколении!

Вообще-то я родилась в Подмосковье, в мерзком городишке под названием Электросталь, со всех сторон окруженном лесами, в которых зарыты радиоактивные отходы. Может быть, именно поэтому мне было так приятно услышать, что меня считают коренной москвичкой. Кажется, после этих слов я и дала «добро» на поручительство...

– Алло, вы меня слушаете? – вернула меня к действительности девушка из «ФинансИнвестРезерва». – Так вы будете платить долг?

Я не оставляла надежду перевести стрелки на истинного должника:

– Насколько я знаю, Алиева брала кредит, чтобы купить комнату в Люберцах. Может, банк продаст ее недвижимость и таким образом вернет свои деньги?

В голосе собеседницы появилось раздражение:

– Я же ведь уже объясняла, что Алиева не владеет никакой недвижимостью. Она действительно зарегистрирована в коммунальной квартире в Люберцах, но комната принадлежит ее матери. Не понимаю, к чему этот бессмысленный разговор, если банк решил, что деньги следует взыскать с вас? Если вы не в состоянии выплатить всю сумму сразу, «Финанс-

«СинвестРезерв» может пойти вам навстречу и разработать схему выплаты долга по частям.

– Я вообще не могу ничего платить, поскольку уже две недели как безработная, – прямо сказала я.

Девушка секунду раздумывала над моими словами, потом бодро поинтересовалась:

– А сбережения у вас есть?

– Нет.

– Как же так? Все делают сбережения.

– А я вот не сделала. Даже если бы они у меня и были, то уж точно не в размере полутора миллионов рублей!

– Тогда вам следует продать квартиру, – тем же оптимистичным тоном посоветовала собеседница.

– И оказаться на улице? Нет уж, спасибо!

– Всё равно банк отберет ее за долги.

Меня взбесило равнодушие, с которым эта банкирша рассуждала о моей судьбе.

– Вот что, девушка, – решительно заявила я, – я не буду предпринимать никаких шагов, пока не посоветуюсь со своим юристом. Всего доброго!

Надеюсь, я взяла правильный тон, слова прозвучали достаточно веско и на какое-то время банк оставит меня в покое.

Глава 3

Я действительно позвонила юристу. Когда два года назад незнакомый бизнесмен Валерий Крылов завещал мне свое имущество, его родственники, оставшиеся с носом, подали на меня в суд. Отбиться от алчной толпы претендентов мне помог адвокат Вячеслав Васильевич. И хотя в конечном итоге наследство пришлось поделить, я считаю, что только благодаря его профессиональной помощи мне достался максимум из возможного. Надеюсь, и теперь он не бросит меня в беде.

Я рассказала Вячеславу Васильевичу про звонок из «ФинансИнвестРезерва».

– Это что, какое-то мошенничество? На каком основании они требуют с меня всю сумму?

– Конечно, надо почитать твой договор поручительства, – начал юрист, – но, скорее всего, требования банка законны. Поручитель действительно отвечает в полном объеме по обязательствам должника. Так что тебе придется выплатить и миллион рублей, и проценты по кредиту, и штрафные пени.

Ситуация не укладывалась у меня в голове:

– Как же так? Алиева взяла в банке миллион рублей, купила на них комнату и оформила ее на мать. А теперь банк требует с меня эту сумму, да еще и с процентами. Получает-

ся, что все в шоколаде, а я в другом, гораздо менее аппетитном, веществе. С какой стати я должна платить за всех?!

– Выплатив долг банку, ты имеешь право предъявить Алиевой гражданский иск и потребовать компенсировать твои расходы. Вот только если та не проживает по месту регистрации и у нее нет крупного имущества в собственности, боюсь, что вероятность вернуть деньги равна нулю...

Я ошеломленно замолчала, а Вячеслав Васильевич заметил:

– Будет тебе наука: в следующий раз, прежде чем подписывать какой-нибудь документ, советуйся со мной.

– А сейчас я могу что-нибудь изменить?

Адвокат ответил почти мгновенно:

– Во-первых, срочно перепиши квартиру и дом на родственников. Во-вторых, подай на банк в суд.

– А это еще зачем?

– Платить долг банку тебе в любом случае придется. Сейчас банкиры настаивают на выплате всей суммы целиком. Но суд определит щадящий график платежей, исходя из твоих доходов. Возможно, удастся избавиться от каких-то незаконных штрафов и пени. У тебя сейчас большой доход?

– Я вообще безработная.

– А пособие оформила?

– Нет, пока я еще не встала на учет в центр занятости.

– Рекомендую это сделать. Может быть, удастся добиться отсрочки выплаты долга.

– Вы возьметесь составить исковое заявление в суд?

Вячеслав Васильевич замялся:

– Боюсь, не получится, на меня сейчас столько всего навалилось... И здоровье пошаливает...

Я удивилась: обычно юрист от работы не отказывается.

– Вячеслав Васильевич, что случилось?

– Ладно, отвечу прямо. Пойми, Люся, проконсультирую я тебя всегда бесплатно, но за участие в судебных заседаниях придется платить. А ты знаешь мои тарифы. Потянешь?

Я вздохнула: судебная тяжба во все времена была дорогостоящим предприятием, но когда ты нанимаешь одного из лучших адвокатов Москвы, без валютного счета с четырьмя нулями дело лучше не начинать.

Вячеслав Васильевич правильно истолковал мое молчание:

– Как только появятся деньги, звони! Я всегда к твоим услугам. Да, и еще один момент: в связи с кризисом я больше не беру вознаграждение в рублях, только в долларах.

Кто бы сомневался! Не только юристы резко полюбили валюту, на нее перешли автосалоны и стоматологические клиники. Приходишь к дантисту, а в прейскуранте стоимость пломбы указана в условных единицах – у.е. Что под этим конкретно подразумевается, ты узнаешь только на кассе. Возможно, доллары, может быть, евро или даже японские йены, но только не рубли. «Деревянные» не нужны никому! Похоже, скоро и водители маршруток начнут кривиться при

взгляде на российские купюры.

Я решила последовать совету адвоката и отправилась в центр занятости. Надо действительно встать на учет в качестве безработной! Со всех сторон это выгодно: во-первых, платят пособие, во-вторых, предлагают вакансии, ну, а в-третьих, можно бесплатно освоить другую профессию. Помнится, недавно по телевизору передавали интервью с министром здравоохранения и социального развития. Хорошенькая блондинка с губками-бантиками уверяла, будто безработным в нашей стране живется ничуть не хуже, чем в какой-нибудь там Америке. А если копнуть поглубже, то так даже и лучше! Вот и проверю ее уверения на собственном опыте.

В центре занятости населения было не протолкнуться от этого самого населения. Я заняла очередь за дамой в серой шапочке. Коротая время, она вязала на спицах точно такую же шапку, только красного цвета.

– Скажите, – обратилась я к ней, – вы давно стоите на учете?

Дама ответила, не отрываясь от вязания:

– Два месяца.

– И что, до сих пор не нашли работу?

– Как видите.

– А почему?

Собеседница наконец на меня взглянула:

– Вы пришли в первый раз?

Я кивнула.

– Ну, тогда сейчас сами все поймете!

По другую сторону сидел интеллигентного вида седой мужчина в твидовом пальто. Он поймал мой взгляд, я тут же отвела глаза, однако это не помешало мужчине заговорить.

– Вот интересно, – начал он, наклоняясь ко мне всем своим телом, – почему налоги у нас берут с любого размера доходов, а когда дело доходит до пособия по безработице, то они тут же вводят ограничения?

Дыхание у него было нечистое, имелись явные проблемы с зубами. Однако тема настолько меня интересовала, что я решила не обращать внимания на плохой запах.

– Какие ограничения? – удивилась я. – Я рассчитываю на семьдесят пять процентов от своего среднего заработка. На сайте центра занятости написано, что первые три месяца пособие составляет семьдесят пять процентов, следующие четыре месяца – шестьдесят, потом – сорок пять.

– А вот это не хотите? – Мужчина сложил комбинацию из трех пальцев, абсолютно не вязавшуюся с его интеллигентным обликом, и сунул мне ее под нос. – Они выпустили постановление, в котором определили «потолок» пособия – четыре тысячи девятьсот рублей, выше которого не прыгнешь! Вот я и спрашиваю, почему, когда я был главным инженером завода и получал зарплату восемьдесят тысяч рублей, то платил налоги со всей суммы, а не с четырех тысяч девяти-сот, а? И почему теперь, когда по возрасту я никуда не могу

устроиться, государство меня открыто кидает? По закону я должен получать пособие почти в пятьдесят тысяч! Где мои деньги?!

– Какой бы дурак тогда работал? – рассудительно заметила дама в шапочке. – Все бы годами так и сидели на пособии.

– Пусть государство создает рабочие места! – кипятился мужчина. – Пусть стимулирует развитие производства! Пусть тратит стабилизационный фонд на пособия по безработице, а не допускает обнищания граждан! Ведь даже максимальное пособие ниже прожиточного минимума!

Началась перепалка. Участники ее оказались весьма сведущими в международной политике, экономике и знали четкий ответ на вопрос «Как нам обустроить Россию?».

Я помалкивала, хотя мне тоже было что сказать. Взять хотя бы стабилизационный фонд, с ним вообще умора! Когда правительство сообщило, что разместило наш стабфонд в американских ценных бумагах, помните, какие начались дискуссии по телевизору? Одни эксперты с пеной у рта доказывали, что средства надо пустить на развитие отечественного производства, другие предлагали строить на них социальное жилье и дороги, третьи кричали, что следует раздать стабфонд пенсионерам... Я же только тихонько хихикала, потому что подозревала: денежки уже тютю! Их давно украли и поделили. А тут – бац! – разразился мировой финансовый кризис, и наш стабфонд вместе с американской экономикой накрылся медным тазом. Очень вовремя, надо ска-

зять. Я вот даже думаю: а не придумали ли всю эту заварушку с кризисом специально для того, чтобы пара-тройка россиян смогли в одночасье стать самыми богатыми людьми планеты? Увы, имена их по понятным причинам широкой общественности неизвестны...

Пока я размышляла на макроэкономические темы, подошла моя очередь к инспектору. Чиновница была, скорее всего, моей ровесницей, но выглядела настоящей теткой: одета в коричневый шерстяной костюм и черную водолазку, на голове какое-то воронье гнездо из нечёсанных волос.

– Здравствуйте! – сказала я с порога.

Тетка взглянула на меня с такой ненавистью, будто я уничижила всю ее семью.

– Я потеряла работу, хочу встать на учет, – не обращая внимания на хмурую физиономию, продолжала я.

– Давайте трудовую книжку, – процедила чиновница.

Я протянула документ. Изучив последнюю запись в книжке, тетка сообщила с плохо скрываемым злорадством:

– Пособие у вас будет минимальное, восемьсот пятьдесят рублей.

– Почему такое маленькое? – изумилась я. Мужчина в очереди говорил о четырех тысячах девятиста рублях, тоже не бог весть какая сумма, но я уже успела с ней смириться. А восемьсот пятьдесят рублей... да этих денег не хватит даже, чтобы купить единый проездной в Москве! Или они думают, что у безработных вырастают крылья и они могут бесплатно

летать на собеседования?!

– Потому что вам следовало обращаться к нам в течение двух недель после увольнения, – назидательно сказала бюрократка.

– Вчера как раз было две недели.

– Вот и надо было приходить вчера! – огрызнулась тетка. – А сегодня поезд ушел.

Она вела себя так, будто платила пособие из собственного кармана. Хотя кто знает, может, им дают премию за экономию бюджетных средств?

– Я слышала, что центр занятости может отправить на обучение... – закинула я удочку.

Чиновница посмотрела на меня как на инвалида умственного труда:

– С какой стати государство должно вас переучивать? У вас вполне востребованная профессия.

– Просто я давно мечтала стать психологом...

– В чем проблема-то? – фыркнула тетка. – Платите деньги и учитесь. При желании можете даже в Англию поехать, в Оксфорд!

Эта мысль показалась ей настолько смешной, что она мерзко заквакала. Отсмеявшись, бюрократка принялась вбивать информацию обо мне в компьютер. Работала она медленно, по клавиатуре стучала двумя указательными пальцами. Я подумала, что в отличие от нее владею слепым десятипальцевым методом печати, однако особого удовле-

творения эта мысль мне не принесла. Несмотря на все мои блестящие навыки, я была безработной, а эта тетка, судя по всему, крепко сидела в своем кресле.

Глава 4

– Вот список вакансий по вашей специальности... – Чиновница вынула из принтера листок и протянула мне.

Ого, целых восемь предложений! Надо же, оказывается, журналисты востребованы даже в период глобального кризиса! И тетка эта крупный профессионал: отыскала где-то целую кучу вакансий. Может, зря я относилась к ней с предубеждением?

Поблагодарив свою спасительницу, я направилась к выходу.

– Приходите через неделю в это же время, – буркнула женщина на прощание. – И не опаздывайте, иначе лишу пособия.

Однако я искренне надеялась, что ее услуги мне больше не понадобятся. Ведь если я прямо сегодня устроюсь на денежную работу, к чему мне копеечное пособие?

Из центра занятости я кинулась домой, чтобы сразу же начать звонить по вакансиям.

Первое объявление было такое:

«Новый молодежный журнал набирает ведущих рубрик, возраст 18–28 лет, опыт работы от полугода. Зарплата от 7 тыс. руб.»

Меня настораживали два момента: возраст и зарплата. Я превышаю лимит на четыре года, казалось бы, не страшно,

но если у работодателя есть устойчивые предубеждения против «старичков», каким бы прекрасной журналисткой я ни была, на работу меня не возьмут. И второй момент: зарплату предлагали уж очень маленькую. Впрочем, неизвестен и объем работы. Вдруг за эти деньги всего-то и надо, что раз в месяц написать три страницы веселенького текста?

Я набрала указанный в объявлении телефон, однако по нему никто не отвечал. Я позвонила по второй вакансии: экономическому еженедельнику требовались обозреватели, зарплату обещали от двадцати пяти тысяч рублей. Однако секретарша, которая взяла трубку, меня огорошила:

– Нам нужен человек с двумя высшими образованиями: профильным экономическим и журналистским. Вы соответствуете этому требованию?

Пришлось признать, что нет.

По третьему объявлению («общественно-политической газете требуются журналисты») ответила истеричная дама.

– Нет здесь никакой газеты! – закричала она в трубку. – Это номер квартиры, не звоните сюда больше! Достали уже!

– Извините, – пробормотала я и отключилась.

Может, оно и к лучшему, ведь я абсолютно не разбираюсь в политике.

По четвертому номеру мне сообщили, что вакансия репортера закрыта еще месяц назад. В пятом журнале заявили, что в связи с кризисом они приостановили набор персонала. Шестой номер молчал, как и первый. По седьмому и восьмо-

му я не стала звонить сама: журналистов искали православная и студенческая газеты. По собственному опыту я знаю, что и та, и другая рассчитывают, что люди будут трудиться у них «за идею». Как только ты заикнешься о гонорарах, тебя обвинят во всех смертных грехах и уволят.

Наконец первый номер все же отозвался.

– Сколько-сколько лет?! – переспросил мальчишечий голос, который представился главным редактором. – Досвидос, бабуля!

Итак, весь список, полученный мною в центре занятости, оказался пустышкой.

Я даже не успела толком расстроиться, потому что в дверь позвонили.

– Кто там?

– Судебные приставы, – ответил мужской голос.

Я посмотрела в глазок и наткнулась на служебное удостоверение с фотографией. Удостоверение исчезло, а взамен я увидела троих мужчин, двое из которых были в синей форме. Я робко приоткрыла дверь:

– По какому поводу?

Мужчина в костюме и легкой дубленке нараспашку с напором зачастил:

– Лютикова Людмила Анатольевна? Я адвокат Аркадий Мирошник. Приставы явились по постановлению суда, согласно которому все имущество, находящееся в данной квартире, должно быть описано и арестовано. Квартира тоже

будет арестована и опечатана до окончания судебных разбирательств.

– О чем вы? Какие судебные разбирательства?

– Позвольте нам все-таки войти.

Я распахнула дверь, и мужчины прошли в холл. Аркадий Мирошник вытащил из кожаного портфеля бумагу:

– Вот постановление суда, ознакомьтесь.

От волнения строчки плясали у меня перед глазами, я с трудом разбирала юридическую абракадабру. Но как бы мало я ни понимала в законах, все-таки смекнула, что дело нечисто:

– Подождите, если решение суда было вынесено в отношении моего имущества, почему я узнаю об этом последней? Почему я не присутствовала ни на одном судебном заседании?

– Мы неоднократно высылали вам повестки, но вы не являлись, – бодро ответил адвокат.

Мирошник носил тонкие усики, которые делали его похожим на героя-любовника из французского водевиля.

– Лжете, я не получала ни одной повестки!

– Людмила Анатольевна, теперь поздно разбираться, получали или нет. Есть решение суда, и вы обязаны ему подчиниться. Приставы выполняют свой служебный долг, у них сегодня еще много работы, так что давайте не будем затягивать дело. – Аркадий кивнул мужчинам: – Приступайте!

– Стойте! – Я преградила незванным гостям дорогу, встав

в дверном проеме и вытянув руки в сторону. — Пока с бумагами не ознакомится мой личный юрист, я вас дальше не пущу! Только через мой труп!

То ли упоминание о личном юристе произвело впечатление, то ли вид у меня был решительный, но приставы замаялись. Я с удивлением обнаружила, что у них нормальные человеческие лица, один был уже в возрасте, где-то за пятьдесят, второму около тридцати. Тот, что постарше, смотрел на меня с сочувствием, в глазах молодого светилось любопытство.

Адвокат Мирошник ухмыльнулся:

— Людмила Анатольевна, не ломайте комедию, роль мученицы на кресте вам совсем не идет.

— А какую роль вы мне приготовили? — парировала я. — Бездомной бродяжки?

Неожиданно за меня вступился пожилой пристав:

— Да ладно, Аркаша, пусть девушка позвонит адвокату. А мы пока на кухне подождем. Кофе-то у вас найдется?

— Конечно, найдется, — отозвалась я и повела всю компанию на кухню.

Там я включила кофеварку, и пока кофе варилось, позвонила Вячеславу Васильевичу.

— Уже раздобыла деньги? — удивился юрист.

— Со мной случилась беда. Помогите.

Дрожащим голосом я рассказала про неожиданный визит банковского адвоката и приставов.

– Странно, – отозвался Вячеслав Васильевич, – если квартиру отбирает банк, то он обтяпал это дело в рекордные сроки. Да и не имели они права лишать тебя единственного жилья!

– Умоляю, приезжайте и во всем разберитесь! Может, они вообще жулики? А деньги я обязательно найду.

Адвокат сообщил, что на мое счастье находится поблизости и будет через пятнадцать минут. Всё это время я, нервно улыбаясь и потчuya незваных гостей кофе с печеньем, пыталась выяснить, за что на меня свалилась такая напасть.

– Аркадий... а по отчеству вас как? – обратилась я к господину Мирошнику.

– Можете называть меня просто по имени, – милостиво разрешил он.

– Так вот, Аркадий, я изумлена, с какой скоростью работает отечественная судебная система. Понимаете, я ведь только сегодня узнала, что Марта Алиева не возвращает банку кредит.

– Марта Алиева? Кто такая?

– Моя подруга, впрочем, уже бывшая. Она взяла в банке потребительский кредит на миллион рублей. И опять же только сегодня меня просветили, что поскольку я являюсь у нее поручителем, то в полной мере несу ответственность перед кредитором. Я и не предполагала, что...

Адвокат перебил меня:

– Кредит здесь ни при чем, ваше имущество арестовывают

по другому поводу.

Мне стало тяжело дышать.

– По какому же?

– Речь идет о наследстве. Ваша квартира и загородный дом раньше принадлежали бизнесмену Валерию Крылову, ныне покойному, правильно?

Я кивнула.

– Возникли определенные обстоятельства, которые указывают на то, что вы вступили в права собственности с нарушением закона.

Аркадий замолчал, и мне пришлось прервать томительную паузу:

– Какие еще обстоятельства?

– У Крылова имеется несовершеннолетний наследник, которого лишили обязательной доли в наследстве.

– Нет у него никаких несовершеннолетних наследников! – вскричала я. – Вдова и трое детей очень даже совершеннолетние! Им, кстати, достались торговые центры, складские помещения, антиквариат! Слишком много, если учесть, что завещание было написано на меня одну!

– Несовершеннолетний наследник – это десятилетний мальчик, рожденный вне официального брака Крылова. Его мать, Надежда Полосухина, взялась восстановить справедливость.

Ну да, еще бы ей не взяться, речь-то идет о многомиллионном состоянии! Вот только не поздно ли дамочка спохва-

тилась? – Последние слова я произнесла вслух.

– Не поздно, – ответил Аркадий. – Когда умер Крылов, Надежда проживала за границей, но, как только она узнала, что права ребенка нарушены, тут же вернулась на родину и обратилась в суд. Уверяю вас, с юридической точки зрения все документы безупречны, комар носа не подточит.

Я вздохнула: вот это-то меня и беспокоило!

Наконец приехал Вячеслав Васильевич. Он сразу отвел Аркадия в сторону, потребовал у него бумаги, внимательно их изучил, задал несколько вопросов на профессиональном жаргоне... Потом подошел ко мне и возбужденно зашептал:

– Это безумие! Ты в курсе, что Надежда Полосухина собирается эксгумировать труп Крылова, чтобы провести экспертизу по установлению отцовства? Ты понимаешь, что это означает?

– Что Крылов не признал ребенка?

– Ребенок вообще не его, – убежденно ответил юрист. – А за Полосухиной стоят очень серьезные люди, которые во что бы то ни стало решили захватить себе бизнес покойного. Их цель – складские помещения и торговые центры, ты со своей квартирой случайно подвернулась под руку.

Во мне затеплилась надежда:

– Может, они меня не тронут? Может, попробовать с ними как-то договориться?

– Нет, дело приняло слишком серьезный оборот. Пока я не узнаю, кто конкретно руководит Полосухиной, даже не

скажу, смогу ли тебе помочь. Каким образом, ты думаешь, они добились ареста квартиры без твоей явки в суд?

– Дали на лапу судье?

Вячеслав Васильевич кивнул:

– И очень много. Они действуют быстро, нагло и никого не боятся. Ох, не нравится мне все это!

В этом наши ощущения совпадали.

Глава 5

Квартиру мне все-таки пришлось освободить. Как ни старался Вячеслав Васильевич, какие только доводы ни приводил, судебные приставы были неумолимы.

Мне разрешили забрать два чемодана личных вещей и кошку Пайсу, остальное имущество приставы описали.

Я предприняла отчаянную попытку спасти хотя бы домашний кинотеатр:

– Не трогайте, это не Крылова, а мой, я сама его покупала!

– Предъявите, пожалуйста, товарный чек, – бесстрастно отозвался молодой пристав.

– Я его выкинула! – с вызовом сказала я. – Неужели я обязана хранить макулатуру до самой смерти?

– Если хотите, чтобы никто не сомневался, что это ваше имущество, то да.

О кинотеатре пришлось забыть.

Через два часа приставы закончили свое черное дело и ушли. Я осталась стоять перед дверью опечатанной квартиры. Пайса, никогда не покидавшая дома, испуганно мяукала у меня под мышкой.

– Будем надеяться, что это временно, – сказал мне в утешение Вячеслав Васильевич и скорым шагом направился к лифту.

Когда двери за ним захлопнулись, я сообразила, что ад-

вокат даже не предложил меня подвезти. Ну конечно, окончательно обнищавшая, я уже не представляла для него профессионального интереса.

Я села на чемодан и позвонила по мобильнику Руслану. «И в горе, и в радости...» – именно так звучит супружеская клятва, которую мы, увы, так и не произнесли. Всё правильно, к кому еще обратиться в трудной жизненной ситуации, если не к любимому мужчине?

– Слушаю, – с раздражением ответил Руслан.

Очевидно, он не понял, что звонит его ненаглядная и единственная!

– Это я! – радостно пропела я.

– Слышу, – сухо ответил жених.

Должно быть, мужчина моей мечты находился не в духе.

– Я сейчас к тебе приеду... – начала я.

– Кто это? – донесся до меня назойливый голос Ариадны Васильевны.

Господи, ну почему дорогая свекровь не смотрит сериал? Ведь сейчас самое сериальное время. Неужели телевизор взорвался?

– Это Люся, – зашептал Руслан, прикрывая микрофон рукой, но все равно было слышно, – она хочет приехать.

– Только не сейчас! – завизжала пенсионерка. – Мы еще не все обсудили!

Жених тяжело выдохнул в трубку:

– А ты не можешь приехать завтра?

Меня будто под дых ударили. Телефон выпал из рук, я словно рыба хватала разинутым ртом воздух и не могла надышаться. Даже кошка, почувствовав трагизм ситуации, перестала мяукать и вырываться.

Все это время я закрывала глаза на очевидное: Руслан – маменькин сынок. Если уж называть вещи своими именами, то, позволив мне съехать с квартиры, он меня предал. В конфликте между мной и Ариадной Васильевной капитан Супроткин выбрал свою мамашу. Возможно, он хороший, даже идеальный сын, но муж из него никудышный.

Я почувствовала на губах горький привкус предательства. Они, видите ли, еще не все обсудили! Интересно, чего это сыночек с мамочкой обсуждают? Могу поспорить, что обострившиеся болячки Ариадны Васильевны. Или сюжет бесмертного блокбастера «Перезвоны любви», в данный момент по телевизору демонстрируют триста шестьдесят какую-то серию. Ну что ж, в таком случае я за Руслана спокойна: свободного времени на личную жизнь у него не останется.

Я подняла с кафельного пола телефон, к счастью, он не разбился, и стала перебирать абонентов из записной книжки. Вроде куча друзей, а пойти не к кому. Моя давняя подруга Светка Иванова недавно вышла замуж, соваться к молодым в комнату в коммуналке неприлично. Ленка Борщева месяц назад родила дочку, естественно, ей тоже не до постельцев. Катька Евстратова обитает с престарелыми родите-

лями в малогабаритной однушке, лишний человек там просто физически не поместится.

И тут меня осенило: да ведь Лариска Самохина жирует одна в своей двушке! Напрошусь-ка я к ней во временное проживание.

Я позвонила подруге на мобильный и объяснила ситуацию: уволили с работы, денег нет, а тут еще квартиру опечата-
тали...

– Примешь меня на первое время, пока не сниму жилье?
Ларка отозвалась мгновенно:

– С удовольствием приняла бы, но я улетаю в командировку на две недели.

– Извини за назойливость, но, может, ты оставишь меня одну в квартире? Обещаю, что не буду копаться в твоих вещах и водить мужиков...

Я еще пыталась шутить, хотя чувство юмора, кажется, покинуло меня вместе с работой и квартирой.

– Увы, я уже в Домодедове, прошла регистрацию. Я тебе позвоню, когда вернусь в Москву. – Подруга отключилась.

После облома с Ларкой я позвонила Вике Рябчиковой. У нее тоже роскошные жилищные условия: трешка на двоих с мужем плюс зимняя дача под Щелковым.

– Люська, ты вовремя! – затараторила Викуся, услышав мой голос. – Я как раз в ночной клуб собираюсь, поедешь со мной?

– Понимаешь, тут такое дело...

Вика меня не слушала:

– Мы тут девичник устраиваем, будут все наши: Машка Правдина, Женька Егорова, Лариска Самохина...

– Ларка? – изумилась я. – А разве она не улетает в командировку?

– Ну что ты, какая командировка может быть у секретарши? Она дома, я только что ей звонила. А насчет командировки... Ларка всегда так врет родственникам из провинции, которые тащатся в Москву и хотят пожить у нее на халаву. Отказа они не поймут, обидятся, так она придумала говорить, будто улетает надолго в командировку, находится в аэропорту и что, мол, уже трап к самолету подают... Ой, мне по второй линии как раз Самохина звонит, может, у нее что-то срочное, повиси пока на телефоне, ладно?

В трубке заиграла музыка, но через минуту она неожиданно оборвалась. Когда я стала перезванивать, то услышала механическое сообщение: «Неправильно набран номер. Пожалуйста, проверьте правильность набора номера и перезвоните». Кажется, Лариска рассказала, что я ищу пристанище, и Вика занесла меня в «черный список».

Неожиданно мой телефон зазвонил сам. Я не стала смотреть на определитель номера, уверенная, что это Руслан: одумался, раскаялся и жаждет меня видеть!

– Слушаю тебя, милый, – проворковала я в трубку нежнейшим голоском.

Но это оказался вовсе не Руслан.

– Людмила Анатольевна? – осторожно уточнил незнакомый мужской голос.

Сегодня ко мне уже дважды обращались по имени-отчеству, и в обоих случаях ни к чему хорошему это не привело. Я заподозрила, что жизнь приготовила мне очередную подлянку.

– Да, это я.

– Вы в курсе, что бог велел делиться?

Я оторопела:

– Вы из какой-то религиозной организации? Вербуете агентов в церковь?

– Нет, мы коллекторское агентство, выбиваем долги из заемщиков.

Если бы я умела свистеть, то обязательно бы присвистнула. Ничего себе, с какой скоростью работает «ФинансИнвестРезерв»! Еще утром мой договор поручительства находился в банке, а к вечеру – глядь! – бумаги уже проданы коллекторам. Вот только, боюсь, никто не в силах конкурировать с госпожой Полосухиной.

Коллектор взял суровый тон:

– Людмила Анатольевна, слушайте меня внимательно. У вас большие проблемы. Я предлагаю вам кратчайший путь их разрешения.

Но меня было уже не запугать:

– Нет, это вы слушайте меня внимательно. Это у вас большие проблемы. За сколько вы выкупили мой договор пору-

чительства у банка?

– Это коммерческая тайна.

– В любом случае можете считать, что спустили деньги в унитаз.

– Почему?

– А потому что с меня нечего взять. Я безработная, имущества у меня никакого нет. Если я все-таки устроюсь на работу, то буду платить с зарплаты двадцать процентов в счет оплаты долга. За двести лет как раз расплачусь!

– Постойте, – заволновался коллектор, – у меня тут записано, что вы владеете трехкомнатной квартирой на Лесной улице и домом в коттеджном поселке «Алые зори»!

– Владела до сегодняшнего дня.

– Что случилось с имуществом? – деловито осведомился собеседник.

– Сами выясняйте, не маленькие. Скажу одно: руки у вас коротки его достать!

– Мы от вас не отстанем! – кипятился коллектор. – Мы будем вам звонить и обязательно наведаемся в гости!

– Конечно, звоните! – радостно откликнулась я. – И обязательно приходите в гости! Жаль только, что не смогу принять вас в своей квартире, потому что она мне уже не принадлежит. Предлагаю встретиться в зале ожидания на Курском вокзале, скорее всего именно там я и буду жить. Вторая лавка в пятом ряду, договорились?

Мужик выругался и отключился.

Возможно, это и жлобство, но сердце мое приятно грела мысль, что не у меня одной сегодня выдался отвратительный день.

Глава 6

Голый человек на голой земле... Я обожаю смотреть фильмы, в которых главный герой лишается всего, падает на самое дно жизни, но, веря в свою счастливую звезду, упрямо карабкается вверх и в итоге вновь оказывается на коне.

Да, приятно смотреть такие картины, сидя в мягком кожаном кресле, поедая серебряной ложечкой пирожное и пребывая в уверенности, что подобные проблемы тебя уж точно не коснутся. Солнце всегда будет сиять на небосводе, потому что от жизненных невзгод тебя защитит твоя элитная недвижимость.

Но недвижимости у меня больше не было. Я оказалась на голой земле, и мне совсем не нравилась эта роль. Интересно, что следует делать дальше? Куда вообще идут люди, лишившись крыши над головой? Может, в кризисные центры?

Я позвонила в справочную, и мне дали телефон кризисного центра для женщин под названием «Подруги». Едва я набрала номер, женский голос тут же отозвался:

- «Подруги» слушают.
- Я меня беда.
- Вас бьет муж?
- Нет, – оторопела я.
- Муж выгнал из дома?
- Я вообще не замужем.

– У вас голодают дети?

– Детей нет.

– Вы инвалид? Не можете самостоятельно передвигаться и обслуживать себя?

– Типун вам на язык! Со здоровьем всё в порядке.

– Как вам не стыдно! – напустилась на меня дама. – Нет у вас никакой беды! Очевидно, у вас небольшие трудности, с которыми вы отлично справитесь сами. Не отнимайте мое время, которое я могу потратить на женщину, у которой настоящие проблемы!

Отчитав меня, дама бросила трубку. А я задумалась над ее словами. Доля истины в них была. По сравнению с теми гипотетическими ситуациями, которые она описала, я была едва ли не в шоколаде. Но сердце разрывалось от жалости к себе.

Сунув телефон в карман, я уселась на чемоданы, подперла кулаками щеки, пару раз шмыгнула носом... всхлипнула... и вдруг слезы хлынули из глаз ручьем. Минут пять я добросовестно рыдала. Кошка Пайса, не привыкшая к такому бурному проявлению моих чувств, уселась напротив меня, прищурилась, а потом начала невозмутимо и самозабвенно вылизываться.

В этот самый момент на лестничной клетке этажом ниже загремело что-то железное, и бодрый женский голос мелодично затянул: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Рыдать я хоть и не перестала, но заинтересовалась.

Через пару минут по лестнице на мой этаж поднялась женщина лет пятидесяти, полненькая, краснощекая и необычайно бодрая. Одета она была в тренировочные штаны, тапочки и ярко-розовую кофту с надписью «Все бабы как бабы, а я – богиня!». В руках у женщины были ведро и швабра, из чего я сделала единственно возможный вывод: это уборщица.

Увидев меня, она поставила ведро на пол, прислонила швабру к стенке и всплеснула руками:

– Вы что ж так громко рыдаете, девушка? Ключи потеряли? Давайте я вам слесаря вызову.

В этот момент я снова вспомнила про свои невзгоды и залилась слезами с новой силой. После страшного предательства любимого человека, после вероломства подруг мне вдруг страшно захотелось выплакаться на чьей-нибудь груди. Грудь уборщицы – большая и уютная – подходила для этой цели как нельзя лучше.

Сопя и гнуся, я принялась сбивчиво изливать душу. Добрая женщина реагировала на мои откровения очень хорошо: где надо – ахала, где надо – прижимала ладонь ко рту, а пару раз даже употребила довольно крепкие выражения в адрес моих гонителей и мучителей.

Рассказ мой подошел к концу, и я закончила трагическим голосом:

– Денег у меня нет, идти мне теперь некуда. Пойду на вокзал, заночую там. Кошку вот только жалко. Она-то за что должна такие муки принимать?

Уборщица хлопнула себя ладонями по могучим бедрам:

– Значит, так! Ни на какой вокзал тебе идти не надо, пойдешь ко мне. Живу я здесь неподалеку, места хватит. Да, а звать меня Галина Егоровна.

Я вытерла рукавом нос и в изумлении посмотрела на свою спасительницу. О чудо! Есть еще, оказывается, замечательные женщины в русских селеньях, даже таких густонаселенных, как Москва!

– Очень приятно, а я Люся, – сказала я, а потом спохватилась: – Погодите! Как же вы незнакомого человека вот так запросто к себе на постой приглашаете? Ведь вы ж меня совсем не знаете! Вдруг я воровка? Обчистила квартирку...

– Квартирка, я вижу, опечатанная, так что обчистить ты ее не могла. А насчет незнакомого... Ты поживи с мое, тоже научишься людей с первого взгляда определять. Пошли. Сейчас, только переоденусь маленько.

Мы спустились на первый этаж, где под лестницей находился закуток уборщицы. Переодевание заключалось в том, что Галина Егоровна облачилась в роскошный китайский пуховик малинового цвета и сапоги-казаки со стразами. Пуховик был оторочен мехом, который выглядел на редкость натурально – если только представить, что на свете существуют бордово-фиолетовые лисы. Сборы были закончены, и мы отправились к Галине Егоровне.

По дороге она рассказала мне свою историю. Галине Егоровне было пятьдесят два года. В Москву она приехала две-

надцать лет назад, из родной деревни Полушкино, что в Тверской области. Муж Галины Егоровны был человеком хорошим, но крепко пьющим. Однажды зимой он поехал на тракторе за водкой в соседнюю деревню и на речке провалился под лед. Вытащить-то его вытащили, но воспаление легких вылечить не смогли. Схоронив мужа, Галина Егоровна решила податься в столицу на заработки. Поскольку карьеры модели, артистки и бизнес-леди отпадали в полуфинале, работу долго искать не пришлось – сначала устроилась дворником, потом уборщицей. Еще когда она работала дворником, ЖЭК выделил ей жилплощадь, на которую Галина Егоровна меня и вела.

Жилплощадь оказалась практически элитная. В двух домах от моего собственного – в прошлом – жилья высилась сталинская восьмизэтажка. Дверь в подъезд вела роскошная, кованная, с решеткой и навороченным домофоном. Внутри – мрамор, итальянская плитка и упоительной красоты почтовые ящики. «Однако! – подумала я. – Если дворникам в наше непростое время дают ТАКУЮ жилплощадь... Может, я зря прожила свою жизнь?»

– Галина Егоровна, а как же это вам удалось квартиру в центре Москвы отхватить? – поразилась я.

– Да не квартиру, а комнату. Раньше-то я в подвале жила, от ЖЭКа. А потом – это в конце девяностых было – нанялась я к одной старушке, ухаживать за ней. Она ко мне душою прикипела, родственников у нее не было, вот комнату мне

свою и отписала. А что центр – так это одно название. Клоповник, а не квартира, ежели по-честному. У меня в деревне нужник на дворе, так и то чище, чем здешний сортир. Правда, бога гневить нечего, все же крыша над головой...

Лифт довез нас только до седьмого этажа, дальше нужно было подняться пешком еще на два пролета. Теперь всё стало ясно. Здесь мрамором и плиткой уже не пахло, зато отчетливо воняло чем-то совсем не элитным. Пожалуй, капуста. Вареной. Дверь в квартиру тоже была хлипкая, дощатая, обитая драным дерматином и без номера.

За дверью обнаружилась самая настоящая коммуналка: длинный коридор кишкой заворачивал за угол, на стенах висели эмалированные тазы, два велосипеда и лысая автомобильная покрывка. Дверей в коридоре, как мне показалось, было безумное количество, но потом выяснилось – всего десять.

Квартира и состояла из десяти комнат. Вход в ванную и туалет находился на кухне, так что из коридора его было не видно. Галина Егоровна отперла вторую по счету дверь и впустила меня в небольшую, но уютную комнатку, обставленную в традиционно деревенском стиле. Кровать с целой горой подушек и подушечек была аккуратно застелена кружевным покрывалом, трюмо в углу, здоровенная пальма в горшке, двустворчатый шкаф и маленький диванчик возле самой двери. Кошка Пайса соскочила с моего плеча и прошлась по комнате, задрав хвост и настороженно принюхива-

ясь. Я поставила чемоданы на пол и с сомнением посмотрела на диванчик: телосложение мое отнюдь не хрупкое. Галина Егоровна засмеялась:

– Не бойсь, Люся, это так, для мебели. На ночь буду тебе раскладушку разбирать, она у меня еще с советского времени, не Китай какой-нибудь. Часть вещей кидай в шкаф, а что не нужно – прям в чемодане под кровать засунь. Пойдем, квартирку тебе покажу.

Показ квартиры Галина Егоровна сопровождала подробным рассказом об обитателях каждой комнаты. Как выяснилось, в самой первой от входной двери комнатухе когда-то была кладовка, а сейчас ее сдавали совсем задешево маленькому и очень тихому вьетнамцу, работавшему на вещевом рынке. Обычно вьетнамцы, торгующие на рынках, прямо там же и живут, устраивая нечто вроде коммуны, но Егор – так обитатели квартиры переименовали для удобства непроизносимого Нгоень Тхая – был кем-то вроде рыночного старшины и потому жил в элитных, можно сказать, условиях.

Третья дверь вела в комнату Пашки-Философа, безобидного хронического алкоголика, который был здесь коренным жителем, и потому остальные обитатели квартиры его уважали. Пашка-Философ раньше пил водку, но потом его измученный спиртосодержащими веществами организм потребовал чего полегче, и теперь Пашка употреблял исключительно дешевый портвейн, а также брагу собственного изготовления. Брагу он готовил в ванной, где зимой и летом сохра-

нялся подходящий температурный режим. Во хмелю Пашка был тих и задумчив, особенно же любил порассуждать на вечные темы, за что и получил свое прозвище.

Галина Егоровна завершила повествование о Пашке, энергично махнув рукой:

– Будет денег просить – не давай, не вернет. И не бойся его, он безобидный.

В следующих двух комнатах также жили коренные обитатели квартиры. Их история была куда более драматична, чем моя. После смерти матери сиротами остались трое детишек-погодков, но отец их, прежде сильно пьющий, не бросил их и не спился окончательно, как ожидали все вокруг, а наоборот, с алкоголем завязал, нашел хорошую работу, пристроил самого маленького в детский сад на пятидневку, двоих постарше – в школу с продленкой, и живут они теперь не то чтобы богато, но и не в нищете. Недавно даже компьютер купили. Звали многодетного отца Сергеем, а детишек – Мишкой, Веркой и Андрюшкой. Говоря о Сергее, Галина Егоровна одобрительно кивала:

– Хороший мужик, справный. Была б я помоложе... Ты как сама-то, замужем?

О Руслане и его драгоценной мамочке я рассказывать постеснялась. Не готова я была еще клеймить своего родного, хоть и незаконного, мужа позором в глазах посторонних людей. Покачав головой, я ткнула пальцем в роскошную, обитую кожей дверь с серебряными заклепками.

– А это чья такая красота?

– Тут наш восточный человек проживает, Тигран Вахтангович. Большой человек! Если ты ему глянешься, он тебя пристроит...

– Куда пристроит?

– Как это куда? На работу, ясное дело. Тигран Вахтангович всё может.

Тигран Вахтангович работал поваром в ресторане. В Москве он осел еще в начале девяностых, так что вполне мог считаться коренным москвичом. В данной квартире ему принадлежала половина всех жилых помещений, но сам Тигран Вахтангович с семейством проживал только в трех из них, а оставшиеся сдавал.

Людей, снимавших у Тиграна Вахтанговича комнаты, Галина Егоровна называла не по имени, а просто – «эти». Как она пояснила, «они так часто меняются, что их запоминать – только мозг тратить».

До вечера оставалось не так уж много времени, и я провела его, разбирая чемодан с вещами. Потом Галина Егоровна позвала меня на кухню.

Тигран Вахтангович на вид оказался классическим армянином и не менее классическим поваром. Он был толст, благодушен, крайне носат и волосат, а глаза у него были темные, влажные и немного печальные. Широкую шею Вахтанга Тиграновича обвивала толстенная золотая цепь.

Галина Егоровна взяла объяснения на себя. Я только ди-

ву давалась, как ловко у нее это выходит. Выслушав Галину Егоровну, Тигран Вахтангович обратился на меня свои печальные очи.

– Ахчи, скажи, пожалуйста, неужто и впрямь два языка знаешь? Вай ме, какой молодец ты, слушай! Я своего Вазгенчика четыре года учу – пять педагогов сменил, два раза в Лондон посылал, ничего не выходит. А без языка куда? Космический век, сама понимаешь. Ладно, сейчас посмотрю, что можно сделать.

Тигран Вахтангович достал из кармана роскошный мобильник – насколько я разглядела, тот самый сильно умный телефон, который управляется простым прикосновением пальца, – и принялся просматривать записную книжку, бормоча себе под нос:

– Так, Алик... надо напомнить, чтобы долг вернул... Ашотик, день рождения скоро, надо не забыть... Вот! Кирилл Геннадьевич! То, что нужно.

Он набрал номер и стал ласково говорить в трубку:

– Кирилл-джан, дорогой, совсем ты меня забываешь, нехорошо... Да... да... да, какие вопросы, все сделаю, обижаешь, дорогой! Слушай, одно дело есть. Тут одна женщина хорошая, молодая, с высшим образованием – надо на работу устроить. Когда? Завтра? Спасибо, дорогой! Лобио ждет тебя, цецмат ждет, сулугуни – будешь доволен, дорогой...

Тигран Вахтангович закрыл телефон и обратился ко мне:

– Всё, я договорился. Завтра утром поедешь вот по этому

адресу, скажешь, что от меня. Запоминай!

Ворочаясь ночью на жесткой, но надежной раскладушке Галины Егоровны, я думала о том, что жизнь, кажется, налаживается. Если вокруг меня оказалось так много добрых и отзывчивых людей, то, может, в скором времени все мои проблемы благополучно разрешатся?..

Глава 7

Утром я в скоростном режиме познакомилась с остальными обитателями квартиры. Знакомство происходило в основном в очереди в туалет и ванную. Жена Тиграна Вахтанговича, Наринэ, оказалась крупной красивой женщиной с испуганным выражением лица. Вокруг нее бегали и прыгали дети, сосчитать которых мне удалось только с третьего раза. Кажется, их было пятеро.

Старшие дети многодетного отца Сергея, Верочка и Андрей, были очень самостоятельными и вежливыми. Андрюша поздоровался со мной за руку и тоненьким голоском сообщил, что учится уже во втором классе, а Верка – малявка, только в первом. Верочка покровительственно шлепнула брата по затылку и велела мне не обращать на него внимания, потому что все мальчишки – дураки. В этот момент в очереди возник небольшой конфликт, потому что старший сын Тиграна Вахтанговича, тот самый Вазгенчик, отказался пропустить в туалет младшего... В общем, жизнь в моем новом коммунальном жилище была ключом.

Из своей комнаты выплыл печальный по причине похмелья Пашка-Философ. Мое появление в стане жильцов его совершенно не удивило, зато подарило некоторую надежду. Пашка заглянул мне в глаза и проникновенно сообщил, что у меня внешность интеллигентного человека, а интеллигент-

ные люди должны помогать друг другу, потому не дам ли я ему по такому случаю сотенку? Вернет сегодня же вечером... Тут прибежала Галина Егоровна и Пашку прогнала.

Выпив стакан чаю и съев сушку с маком, я вылетела из дома, уже прилично опаздывая. Следуя указаниям Тиграна Вахтанговича, я доехала на метро до станции «Пражская». Район вокруг был новый, а все новые районы в Москве похожи друг на друга. К счастью, табличка на доме подсказала мне, что я уже почти у цели. Дом номер восемнадцать, указанный в названном Тиграном адресе, высился прямо передо мной, оставалось лишь найти его третий корпус.

Когда я обнаружила перед собой неоновую вывеску «Лукошко», мне всё стало более или менее понятно. Передо мной был ресторан, хотя я и назвала бы это заведение кафе или даже столовой. Интересно, в качестве кого предложил меня сюда Тигран Вахтангович? Вчера на радостях я совсем забыла спросить...

Худошавый мужчина с угрюмым лицом и бегающими глазками встретил меня у служебного входа. Это был директор, Кирилл Геннадьевич. Он с укором сообщил, что я опоздала. Спорить было бесполезно, потому что я действительно пришла на двадцать минут позже.

Директор провел меня в свой кабинет, и когда я расстегнула куртку, печальное выражение его лица стало совсем трагическим. Мужчина покашлял, уставился на стену позади меня и спросил:

– А ты уверена, что справишься?

– Вне всяких сомнений!

Я точно знаю: на собеседовании нельзя приbedняться и мямлить, надо всем своим видом показывать, что в любом деле вы истинный ас! Жаль только, что я не представляю, в качестве кого меня берут на работу. Но учитывая мое журналистское прошлое и знание иностранных языков, возможно, меня сделают кем-то вроде пресс-атташе...

– Значит, ты знаешь два иностранных языка... – протянул директор.

– Да, – с готовностью отозвалась я, – английский и французский.

Мужчина отреагировал вяло, лишь закатил глаза к потолку, и я поспешно добавила:

– Еще немного говорю по-фински. В основном, на гастрономические темы.

– Правда? – оживился директор. – Скажи что-нибудь.

Я напрягла мозги и выдала весь свой словарный запас, который остался у меня со студенческих времен:

– Митэ куулуу тэнээн он маанантайн йоулупукки1.

– И что это значит?

– В нашем ресторане готовят отличные телячьи почки в сметанном соусе.

Очень надеюсь, что ни один финн никогда не забредет сюда полакомиться почками.

Директор посмотрел на меня с интересом.

– Да, это ценный навык... Скажи, а раньше ты уже работала официанткой?

Официанткой?! Так я борюсь за право разносить тарелки на подносе? Справившись с первым шоком, я решила идти напролом:

– Вахтанг Тигранович... То есть Вазген Вахтан... Меня прислал Тигран Вахтангович, вот! И еще я несколько лет проработала в ведущих печатных изданиях Москвы!

Директор огласил кабинет душераздирающим вздохом.

– Ладно, иди в подсобку, подбери себе там что-нибудь... хотя я не думаю, что тебе это удастся. Потом подойдешь к Оксане, она сейчас в зале работает. Скажешь, что новенькая. Работа каждый день, посменно. Зарплата средняя, но чаевые – твои. Свободна.

Я вышла за дверь, так и не получив ответа на вопрос: при чем здесь мое знание двух иностранных языков? Вернее, даже трех.

В подсобке на вешалке висела форменная одежда здешних официанток. Ничего особенного – черные юбки и кремовые синтетические блузки с круглым вырезом и рюшечками вокруг ворота. Беда была только в том, что самая большая из этих юбок могла застегнуться лишь у меня на ноге, ну, а блузки вообще, судя по всему, покупались в расчете на школьниц. Пошарив еще немного, я так ничего не нашла подходящего и в результате отправилась в зал, в чем была – в брюках и своем любимом свободном свитере. Теперь надо

найти Оксану и начать быстренько перенимать у нее секреты мастерства.

Оксана оказалась высокой тощей девицей с ослепительно рыжими кудрями и не менее ослепительным макияжем. Сколько ей было лет? Трудно сказать, с одинаковым успехом могло быть и сорок, и восемнадцать. На меня она посмотрела с нескрываемым презрением и процедила, интенсивно пережевывая жвачку:

– Чё будем заказывать, женщина?

Я объяснила, что я – новая официантка, и ослепительная Оксана немного подобрела. Во всяком случае, презрение в ее зеленоватых глазах сменилось удивлением, и она протянула мне руку:

– Коллега, блин? Как звать, коллега?

– Людмила Анат... То есть Люся.

– На бейджике напишешь «Людмила». Насчет формы в курсе?

– В курсе. Только там нет моего размера.

– Неудивительно. Ладно, твои проблемы. Всё равно сегодня в зал не пойдешь. Ходи со мной, смотри, чё к чему. Ваще всё просто. Принимаешь заказ, приносишь, улыбаешься, то-сё. Когда будут расплачиваться, смотри сама. Некоторые кидают купюру и уходят, не дожидаясь сдачи – тогда всё твое. Если ждут – приноси всё до копеечки, но сразу не отходи. Лучше всего обслуживать бухих братков и хачей – они денег не считают. Хуже всего – приличных папиков в костюмах.

Эти, как правило, зануды, обсчитаешь – могут и хай поднять. В этом случае не спорь, отдай всё что надо и отваливай. Ясно?

– Ясно. А чаевые хорошие?

– Когда как. В пятницу нормальные, а по выходным много семейных, с них особо не налупишь. Насчет этих говоришь повару, он кладет порцухи поменьше, тогда тебе капает двадцать процентов от сэкономленного.

– То есть... их обвешивают?

– Обвешивают в магазине, – с достоинством ответствовала Оксана, – а у нас – гибкий подход к клиентам!

Так начались мои трудовые будни в новой профессии.

Выяснилось, что посетителей в ресторане не особенно много, но зато имеются постоянные клиенты. Кроме того, неподалеку находилась дешевая гостиница, так что к вечеру начинался наплыв гостей столицы. Их моя рыжеволосая наставница ненавидела особенно сильно, на полном серьезе возмущаясь: «Понаехали тут!»

К счастью, у меня было немного времени, чтобы потренироваться. В субботу в ресторан, как и говорила Оксана, пришло несколько семейных пар. Моя напарница презрительно наморщила нос и отправила меня обслуживать их столики.

Ничего особенного – я всё записала и всё принесла, только перепутала голубцы с фаршированным перцем да чуть не уронила мороженое на колени элегантной даме. В итоге за первый день сумма моих чаевых, за вычетом стоимости

голубцов и перца, составила шестьдесят восемь рублей. По крайней мере на проезд я себе уже заработала!

Еще через пару дней я поняла, что ненавижу Оксану.

Девчонка из украинского села, она приехала в Москву, выиграв второе место на конкурсе красоты «Мисс Полтава». Столица встретила вице-мисс неласково, но Оксана, как когда-то шведы, решительно не хотела возвращаться под Полтаву. Немного помыкавшись по самым разным местам работы, она набрела на ресторан «Лукошко» и за короткое время стала местной звездой.

Искренне презирая и ненавидя тех, кто не давал ей чаевые, Оксана из сил выбивалась, стараясь угодить клиентам «с перспективой». Правда, не могу сказать, что они от этого сильно выигрывали. Оксана расхваливала шашлык из несвежего мяса, приносила им дешевое вино вместо марочного, рассказывала байки про то, как повар только что нарезал вот этот салатик из свежайших продуктов – тогда как все салаты ресторан покупал в замороженном виде у какого-то сомнительного ИЧП «Бавсюк О.Ж.» Взамен Оксана одаривала посетителей ослепительными улыбками, интимно склонялась перед ними, демонстрируя пышный бюст, крутила тощей задницей с такой скоростью, что я только диву давалась, как это ее не относит в сторону центробежная сила... Зато и чаевые она получала громадные, и план по блюдам перевыполняла. Начальство было ею очень довольное.

От меня же начальству были одни неприятности. Со вре-

менем – то есть через пару дней – ответ покровительства уважаемого Тиграна Вахтанговича несколько померк, и меня начали гонять в хвост и в гриву. Ну а после того, как я отсоветовала одной супружеской паре заказывать у нас мясные блюда, потому что никакого сертификата качества на мясо у нас отродясь не водилось, директор поскуchnел окончательно и вызвал меня к себе.

Устремив глаза в потолок, он сообщил, что, если так будет продолжаться и впредь, он меня уволит. Призрак безденежья замаячил передо мной, гнусно ухмыляясь, и я решила наступить на горло своей честности и принципиальности.

– Я больше не буду. Я научусь, честное слово... – бубнила я, чувствуя себя первоклассницей «на ковре» перед завучем школы.

– Очень на это надеюсь, – строго сказал директор. – В твою смену у нас одни убытки, брала бы пример с Оксаны...

– Я постараюсь...

– Вот и постарайся. Даю тебе последний шанс. Нам заказали обслуживание корпоратива. Ничего особенного, Новый год в одной фирме. Все довольно скромно, кризис все-таки на дворе. Учти, оплачивать сверхурочные не буду! Поедете с Оксаной.

Последний шанс – значит последний шанс. Я отправилась домой гладить юбку. Теперь у меня была настоящая рабочая униформа, правда, сшили мне ее за мой собственный счет. Выглядела я в этой униформе потрясающей идиоткой, но на

что только не пойдешь, чтобы не умереть с голоду!

Глава 8

На корпоратив меня собирали всей коммуналкой. Наринэ выделила бирюзовые сережки, Галина Егоровна ухитрилась накрахмалить блузку из дешевой вискозы, Верочка и Андрюша объединенными усилиями натерли мои черные туфли коричневым гуталином... К пяти вечера я была готова.

Недоброе предчувствие сжало мое сердце, когда фирменный фургончик ресторана катил по улицам Москвы. Оксана, разумеется, уселась впереди, с водителем Сашкой, и сейчас хохотала своим вульгарным визгливым смехом, бессовестно заигрывая с симпатичным парнем. Меня же посадили в грузовой отсек. Я чувствовала себя заключенным, которого перевозят из одной тюрьмы в другую. Окна в фургончике были маленькие и к тому же страшно грязные, так что я почти ничего не видела. Однако в какой-то момент Оксана решила проверить, не ем ли я втихаря казенные продукты, и открыла внутреннее окошко между кабиной водителя и грузовым отсеком. Вот тут-то я и смогла разглядеть, где мы едем. Упомянутое предчувствие разгулялось, как матрос в кабаке. Я хорошо знала этот район.

Именно здесь находилась моя бывшая работа – то самое издательство «Работа», которое из-за тяжелого материального положения было вынуждено уволить половину своих

сотрудников, в том числе и меня...

Через десять минут предчувствие превратилось в уверенность. Фургончик затормозил в хорошо известном мне дворике, куда летом все сотрудники «Работы» обычно бегали покурить. Здесь же был черный ход, также хорошо мне знакомый.

Мы разделись в служебной раздевалке и отправились, так сказать, к месту несения службы. По темным и пустым коридорам родного когда-то издательства я шла как на казнь. Сейчас мы доберемся до коференц-зала, и я увижу последний, прощальный и, несомненно, скорбный банкет...

Двери распахнулись, и я немедленно оглохла и ослепла. Когда первое потрясение схлынуло, я еще и офигела – иначе не скажешь.

Конференц-зал сиял разноцветными огнями. Столы, покрытые белоснежными накрахмаленными скатертями, ломились от деликатесов. Самой дешевой выпивкой было импортное шампанское по пятьсот рублей за бутылку, а уж зачем мы везли с собой наши жалкие салаты – для меня вообще осталось загадкой. Устрицы! Черная икра! Тигровые креветки! Настоящий молочный поросенок!

Но это было еще полбеды. На сцене, где обычно выступали во время торжественных собраний наши начальники, в данный момент вертелись и извивались полуголые красотки в блестках. Честно говоря, полуголые – это сильно сказано. Собственно, единственной их одеждой были как раз блест-

ки...

Когда оторопь с меня немного спала, я смогла разглядеть, что помимо полуголых девиц там были и полуголые юноши, тоже в блестках. Однако и девицы, и юноши были всего лишь фоном – главным на сцене был певец, которого знала вся страна. Завидный жених, блондин и просто красавец, Николай Басков заливался соловьем, демонстрируя отменное состояние голосовых связок. Зрители восторженно ухали и хлопали, свистели и визжали.

Потом я разглядела лица зрителей – и в груди моей начало разгораться пламя праведного гнева.

О, нет, это не были злые дядьки, силой захватившие мое издательство. Это не были заморские буржуи, скупающие разорившиеся фирмы по дешевке. Но это были и не рядовые сотрудники, которым доброе начальство устроило последний новогодний праздник перед закрытием фирмы.

Среди разгоряченных красных лиц я обнаружила до боли знакомые мне физиономии. Топ-менеджеры, руководители отделов, главные редактора, вездесущий проныра Ветерков – скользкий мужичок, занимавший у нас абсолютно непонятную должность «руководителя проектов». И, конечно, сама хозяйка издательства «Работа» – несравненная Елена Михайловна Кириллова.

От обиды у меня стало горько во рту. Выходит, они тут пируют по высшему разряду, а уволенным сотрудникам наверняка не на что купить своим детям молока?! Как же они сме-

ли нам врать, что издательство на грани банкротства и нет денег, что им всем тоже в ближайшее время предстоит искать работу... Да одни эти устрицы стоят столько же, сколько получал в месяц весь наш отдел!

От волнения и ярости я дышала все чаще и чаще, забыв, что Галина Егоровна перед выходом предупредила меня:

– Ты, Люсь, сильно в этой блузке не вертись. И дыши поспокойнее. Это ж не шелк, а вискоза, да и размерчик не твой, так что... Одним словом, не вырони бюст, Люся!

Юбка тоже была чересчур коротка. В родном, прости господи, ресторане я к ней уже как-то привыкла, но здесь, в ярком свете, да еще среди знакомых людей, сама себе показалась голой. Вообще-то так оно и было, потому как проклятая юбка норовила задраться чуть ли не до пояса.

Я как раз решила ее одернуть, но в этот момент с ужасом почувствовала на своей ляжке нечто горячее и влажное. Не веря собственным ощущениям, я медленно повернулась – и обнаружила прямо перед собой отвратительную пьяную рожу с красным носом и прилипшими ко лбу волосиками. При виде моих вытаращенных глаз рожа радостно икнула – и ее обладатель, пьяный вусмерть, немедленно ухватил меня за нервно вздымающуюся грудь.

– Т-ты м-моя пр-рельсь... Пи-тич-ка моя! Пойдем потанцуем?

– Да как вы...

– У, какая... срдитая... Хочешь водочки?

– Отстаньте от меня!

– Не груби! Знашь, кто я? Я о-ли-гарх! Ик! Ну, почти.

– Вы хам и скотина! Уберите руки!

– Не ломайся, цыпочка...

Человеческому терпению есть предел. Я набрала воздуха в свою грудь и изо всех сил толкнула нахала в его грудь. На его лице нарисовалось обиженно-изумленное выражение, и он смачно плюхнулся на пол. Я гневно одернула проклятую юбку и перешагнула через поверженного врага. Теперь меня переполняла холодная и чистая, как снега Эльбруса, ярость.

Твердым шагом я прошла на середину банкетного зала и поманила звезду эстрады пальчиком. Кумир миллионов нерешительно огляделся и наклонился ко мне, решив для начала выяснить, стоит мне хамить или нет. Вдруг я переодетая олигархиня?

– Дайте мне микрофон, Николай! – суровым тоном приказала я певцу.

Басков снова огляделся вокруг, но никто из окружающих не возмутился, наоборот, кое-где даже раздались одобрительные смешки. Вероятно, подвыпившие гости решили, что на смену певцу пришла юмористка. Что-то вроде Клары Новиковой.

Одним словом, микрофон я заполучила безо всякого труда и смело забралась на сцену. Из зала на меня смотрели сытые, лоснящиеся рожи, а я думала сейчас о своих бывших сослуживицах, а также о новых знакомых – отце троих детей

Сергее, о Галине Егоровне – о тех простых людях, которые честно трудятся всю свою жизнь, а в награду получают лишь под зад коленом!

Я откашлялась прямо в микрофон и закричала:

– Как вам не стыдно! Посмотрите на себя, вы уже и на людей-то не похожи! Какие-то свиные рыла, а не лица!

Над залом повисла тишина. А потом раздался женский голос:

– Это же Гоголь, «Ревизор»!

Что ни говори, а женщины в нашей стране гораздо начитаннее мужчин. Народ опять засмеялся, кое-кто принялся фотографировать меня на мобильный.

А я продолжала:

– И ведете вы себя как свиньи! Как можно пировать, когда совсем недавно из этих стен пинком под зад вышвыривали хороших работающих сотрудников?! А уж от вас, Елена Михайловна, я этого никак не ожидала. Неужели вы забыли, как сами начинали? Совсем зажрались, да? А ведь у Лены Смирновой – трое несовершеннолетних малышей. Кто ее на работу возьмет, а? Галя Петренко одна сына растит и отца-инвалида содержит, вы об этом подумали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.